

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-383-390

ИДЕОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Интервью с академиком РАН, доктором исторических наук, профессором, научным руководителем Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН В.Г. БАРАНОВСКИМ

Барановский Владимир Георгиевич является одним из ведущих специалистов в области международных отношений в России. В 1972 г. окончил МГИМО МИД СССР. В 1973—1976 гг. обучался в аспирантуре Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР. С 1976 г. работает в структуре ИМЭМО АН СССР. В 1982—1988 гг. — заведующий сектором международной безопасности ИМЭМО АН СССР. В 1986 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Европейское сообщество в системе международных отношений». В 1988—1992 гг. — заведующий отделом западноевропейских исследований ИМЭМО АН СССР (ИМЭМО РАН). В 1992—1998 гг. являлся главным научным сотрудником ИМЭМО РАН. В 1992—1996 гг. руководил проектом в Стокгольмском международном институте исследований проблем мира SIPRI. С 1998 г. — заместитель директора ИМЭМО РАН. С 2005 г. — профессор кафедры международных отношений и внешней политики МГИМО МИД РФ. С 2011 г. — действительный член РАН.

В своем интервью В.Г. Барановский рассказывает об этике и морали в международных отношениях, многополярности и роли идеологии во внешней политике.

Ключевые слова: международные отношения, идеология, этика, мораль

— Что, по вашему мнению, мог бы дать специалистам-международникам взгляд на их предмет исследования через призму этики и морали? Как вообще соотносятся этика и МО?

— Это очень важный ракурс анализа как международных отношений, так и внешней политики — и с концептуальной, и с практической стороны. В разное время в мире по-разному относились к данной проблематике — иногда с повышенным вниманием, но все-таки чаще считая ее второстепенной.

Между тем вопросы этического и морального измерения международных отношений затрагивают многие, если не все аспекты внешней политики. Здесь есть две диаметрально противоположных позиции. Один подход постулирует, что вообще нет смысла говорить о какой-либо этической составляющей политики. Эта идея восходит к известной работе Николло Макиавелли «Государь», в которой он фактически провозгласил: для достижения практических результатов необходимо абстрагироваться от рассуждений о добре и зле [Макиавелли 2016]. Политика, которая не выводит за пределы своего рассмотрения нравственную составляющую, не может быть эффективной. Согласно другому подходу, при рассмотрении чего бы то ни было политического не говорить об этической компоненте просто невозможно, особенно когда речь идет о политике публичной, когда какое-либо решение или идею необходимо презентовать тем, от кого ждут одобрения и поддержки. Взаимоотношения с внешним миром — частный случай деятельности политической; без этических ориентиров они немыслимы, поскольку внешнеполитический курс должен быть представлен внутренней аудитории и международному сообществу как связанный с определенными нравственно-моральными ценностями. Другой вопрос, насколько такие ориентиры будут убедительны — но они должны быть сформулированы.

— Если говорить об изучении этического измерения и морали в МО, то какие взгляды преобладают в этой области?

— Традиционно существует разделение между «политическими реалистами» и «идеалистами» в подходе к международным делам. Первые считают, что вопросы этики и нравственности в международных отношениях неуместны, так как существуют более реальные и насущные вещи — баланс сил и интересы государств, на основании чего и необходимо строить свою внешнюю политику. Вторые же, напротив, считают необходимым во внешнеполитической деятельности исходить именно из представлений о том, что есть хорошо и что есть плохо.

Схематически это выглядит следующим образом. Есть страна А, и нам необходимо принять решение, каким образом выстраивать с ней отношения. Если мы будем придерживаться «политического реализма», то в первую очередь обратим внимание на ее показатели экономики и военной силы, на те рычаги влияния, которыми она располагает на международной арене. Соотнеся все эти показатели с нашими интересами, мы и будем проводить свой внешнеполитический курс по отношению к данной стране, размышлять о возможности диалога (пусть даже с элементами давления), компромиссов, разменов и т.п. Если же мы будем использовать «идеалистическую парадигму», то прежде всего обратим внимание на то, какой в стране политический режим, какие люди стоят во главе нее, как они пришли к власти, каких идей они придерживаются и т.п. Может случиться и так, что ни о чем договариваться невозможно — и тогда надо просто дожидаться изменений в этой стране (и даже способствовать им).

Это отнюдь не чисто умозрительные эзерсисы. В реальности в период холодной войны, когда имела место биполярная конфронтация, в США существовало

два взгляда на то, как выстраивать отношения с СССР. Один, который условно ассоциировался с именем Збигнева Бжезинского, считал советский режим «неправильным», не соответствующим западным нравственно-моральным нормам, и исходил из необходимости ориентироваться на его смену или уничтожение [Бжезинский 2013]. Другой (Генри Киссинджер) признавал все минусы советского режима, но одновременно выносил их за рамки двухсторонних отношений. Советский Союз можно не любить — но нужно выстраивать с ним отношения как со сверхдержавой, имеющей свои собственные интересы и возможности их отстаивать, с которыми нельзя не считаться [Киссинджер 2015].

Но все-таки абсолютно жесткая дихотомия в постановке вопроса об этичной или неэтичной внешней политике государства является искусственной. Любой внешнеполитический курс должен выстраивать некий баланс — трезвых оценок и расчетов, с одной стороны, и возможности апеллировать, прямо или косвенно, к каким-либо этико-нравственным нормам — с другой. Идеология «политического реализма» не сводит все только к определенному набору эгоистических интересов и корыстных целей. Они — исходная точка рационального подхода, но их реализация будет предлагаться как обусловленная теми или иными ценностными, нравственными нормами и даже абсолютно необходимая для их торжества. Тогда как для сторонников «идеалистической» парадигмы залог успеха в международных делах — именно следование этическому императиву энергичной борьбы со злом. Во взаимоотношениях с «плохими парнями» прагматизм — это когда вы не стесняетесь выкручивать им руки, а не тратите время и усилия на налаживание цивилизованного общения. При котором они вас наверняка обманут.

— И. Гете рассматривал дух времени (Zeitgeist) как преобладающую духовную сторону эпохи: «Если какая-нибудь сторона выступает наиболее сильно, овладевая массой и торжествуя над ней, так что при этом противоположная сторона оттесняется на задний план и затеняется, то такой перевес называют духом времени, который определяет сущность данного промежутка времени». На ваш взгляд, какой сейчас дух эпохи? Какие идеи правят миром и как это отразится на системе международных отношений?

— Если говорить о долговременных тенденциях в контексте предмета нашего разговора, то стоит отметить постепенное возрастание роли и значимости моральных и нравственных императивов. Медленно, порой незаметно, но все-таки это происходит. Тут есть свои спады и подъемы, но в целом отношение к ним сегодня абсолютно другое, чем, например, полвека назад. Сегодня такие темы, как гуманитарное право, права человека, права меньшинств, вопросы продвижения демократии и торжества закона являются важной частью мировой повестки дня. Не обязательно в любой ситуации более важной, чем другие темы — но такой, игнорировать которую уже считается неприличным, неправильным, да и просто контрпродуктивным с точки зрения интересов государства (его престижа, имиджа, репутации).

Наверное, не все с этим согласятся. Сейчас нередко приходится слышать, что большая часть постмодернистских идей — глобализация, общечеловеческие ценности и пр. — подвергаются эрозии, и государства становятся более прагматичными, более четко сфокусированы на своих собственных интересах. Этот тезис перекликается еще с одним — о том, что завершается эпоха «господства Запада», продолжавшаяся несколько столетий. Оба этих взгляда мне кажутся несколько поверхностными. Сейчас, по-моему, одновременно развиваются два важных тренда. Один из них я бы назвал тягой к плюрализму — это реакция на глобализационные процессы и унификацию, неприятие усиливающегося единообразия в мире, в том числе и отождествляемого с образом «конца истории» в духе Фрэнсиса Фукуямы [Фукуяма 2006]. Но вместе с тем, несмотря на усилившийся негативизм в восприятии глобализации, мир становится все более западным. Обратите внимание, куда направляются беженцы — именно в страны западного мира, в Европу, туда, где они видят открывающиеся для себя возможности. Стандарты жизни западной цивилизации, способов организации социума сегодня являются превалирующим ориентиром, и именно на них равняются многие государства мира. Это касается многих государств, в том числе и России.

— В последние годы, по мере усиления КНР и других стран БРИКС в мировой экономике и политике, все больше говорят о незападных концепциях мироустройства, незападных теориях международных отношений. Как вы считаете, могут ли страны БРИКС, страны «глобального Юга» привести свою мораль и свои этические взгляды в международные отношения?

— Это достаточно большая тема для размышлений. Мы можем прежде всего говорить о меняющемся балансе сил на международной арене, и в этом смысле страны третьего мира привносят в международные отношения реализацию идеи о многополярности и плюралистичном мире. Но ведь нельзя считать, что эта идея исходит именно от них. Здесь нет бинарной дихотомии «западное — незападное». О многополярности, например, много говорили во Франции, которая была активной сторонницей этой модели мироустройства. А у нас она прорабатывалась — на академическом уровне — еще когда Евгений Примаков был директором ИМЭМО [Примаков 2016].

Во многих незападных странах весьма сдержанно высказываются по такому вопросу, как «ответственность по защите» (*responsibility to protect*), что интерпретируется (если говорить упрощенно) как право на гуманитарную интервенцию. Они в основном придерживаются традиционного принципа невмешательства во внутренние дела государства. Но это, вероятнее всего, связано с тем, что именно эти страны могут стать потенциальными объектами подобного вида вмешательства, и здесь вопрос не в том, что они «незападные», а в готовности или неготовности принять новую повестку дня по этой весьма чувствительной и противоречивой проблематике. Но при этом важно заметить, что они не отрицают потребности в выработке таких механизмов реагирования и сотрудничества, которые смогли бы предупредить катастрофы типа той, что произошла в Руанде, где в 1994 г. сотни тысяч людей стали жертвами геноцида.

— По вашему мнению, может ли Россия консолидировать идеологическую повестку, объединив лучшее из западных и незападных теорий международных отношений?

— Я вижу два аспекта этой проблемы. Один касается содержательной стороны дела: какие конкретно есть идеи, которые можно было бы синтезировать в нечто единое? Этот вопрос уместен и тогда, когда мы говорим о морально-этических императивах в теории (и практике) международных отношений. В российской концепции внешней политики, к примеру, говорится о необходимости построения справедливого мира. Однако что такое справедливость сегодня? По этому поводу есть обилие мнений и подходов — и явный дефицит возможности свести их к какому-то общему знаменателю. Поэтому скорее стоит говорить о наличии большого вопроса — какую общую ценностную идею можно предложить, если руководствоваться похвальным стремлением «консолидировать идеологическую повестку»?

Есть и еще один аспект — ресурсный. Очень красивой идеей является продолжение проводившейся во времена Советского Союза линии, нацеленной на оказание культурно-гуманитарной помощи и подготовку специалистов для развивающихся стран. Россия как раз и могла бы принять эту эстафету. Однако мало иметь идеологическую базу — здесь необходимы ресурсы, организационные возможности, постоянные финансовые вливания. Здесь, не будем забывать, есть и международная конкуренция. Тем более что подготовка специалистов по линии «содействия международному развитию» — это не только гуманитарная программа, но и инструмент «мягкой силы».

— Ряд экспертов считают, что, по крайней мере на заре своего президентства, Барак Обама придерживался концепции этического реализма Рейнгольда Нибура, его преемник Дональд Трамп — взглядов Росса Перо, а Владимир Путин — идей русского философа-эмигранта Ивана Ильина. Как вы считаете, насколько вообще реально в мировой политике следовать этическим и моральным константам?

— Политики (а тем более политик, действующий в системе мировых координат) не может быть ригористом — он должен быть и гибким, и открытым к компромиссам. Но приверженность некоторым этическим и моральным принципам работает на укрепление его авторитета. Конечно, здесь есть и вопрос о том, насколько эти принципы принимаются и разделяются социумом. Но провозглашаемые этические нормы не должны носить сугубо реактивный характер; хороший политик должен не просто чувствовать, что от него ждут — но также иметь и свою повестку, которую можно предложить обществу и миру. А она ведь не возникает из ничего — в этом смысле политики, конечно, могут находиться под влиянием тех или иных интеллектуальных авторитетов.

Рейнгольда Нибура вряд ли можно отнести к политическим реалистам — он, скорее, проповедник идей христианского социализма, справедливых войн и др. А концепция справедливых войн прямо выходит на необходимость использовать имеющийся у государства силовой инструментарий в этически оправдываемых целях. Барак Обама, вполне вероятно, такой идеологический посыл разделял. Дру-

гое дело — что его реализация на практике как раз и могла ставить под вопрос этические стандарты. Р. Нибур известен составленной им молитвой о душевном спокойствии, которая в примерном воспроизведении звучит так: «Господи, дай мне смирения принять то, что я не могу изменить, дай мне смелости изменить то, что нужно изменить, и дай мне мудрости, чтобы различать между первым и вторым» [Niebuhr 2008]. И хотя Б. Обама, на мой взгляд, был самым интеллигентным президентом США со времен Дуайта Эйзенхауэра, именно этической мудрости ему не хватило, чтобы отказаться от Нобелевской премии мира, которую он получил за свои слова и благие намерения, а не за конкретные действия.

В случае с Дональдом Трампом и Россом Перо мы имеем дело с их некоторым сходством разве что по антиистеблишментской риторике и соответствующей социальной базе. Да, оба вначале выступали с претензиями на то, чтобы представлять «третью силу». Но дальше этого, на мой взгляд, сходство не идет. У Р. Перо была хоть какая-то программа, тогда как у Д. Трампа и ее не было — пришлось составлять, что называется «с колес», после победы на выборах. Не вижу оснований говорить и о какой-то связи между ними по морально-этическим ценностям.

Что касается философа и публициста Ивана Ильина, то его идеи оказались востребованными в нашей стране еще в середине 1990-х гг., когда возродился интерес к геополитике и евразийству [Ильин 2008]. И его взглядам в какой-то степени действительно созвучны те идеи, которыми руководствуется В. Путин, а еще больше — его действия. Но я не стал бы возводить И. Ильина в ранг духовного учителя нашего президента, у которого, как мне представляется, совершенно иная система координат и приоритетов.

— Каким лично вы видите справедливое мироустройство? Какова ваша персональная политическая утопия?

— Во-первых, крайне желательно, чтобы справедливое мироустройство не было «установлено» через потрясения и катаклизмы, а возникло эволюционным путем.

Во-вторых, оно, на мой взгляд, должно иметь своим вектором пусть медленное, но все-таки продвижение в направлении роста удельного веса общего блага и совместного его регулирования — в противовес партикулярным ценностям. Не отрицая их, но и не сводя все к установлению баланса интересов. Как пример можно привести принцип свободы открытого моря, продвигаемый в международную практику на протяжении по крайней мере последних четырех веков. Или Конвенцию по морскому праву 1982 г., в которой дно морей и океанов, а также его недра и ресурсы за пределами действия национальной юрисдикции объявлены общим наследием — их разработка должна осуществляться на благо всего человечества, независимо от географического положения государств.

В-третьих, справедливое мироустройство должно найти ответ на вопрос, как сочетать две вещи — принцип меритократии, когда каждый имеет то, что он заслужил, и принцип солидарности, когда богатые и успешные должны помогать слабым и отстающим.

Сочетание этих трех параметров и определяет мою политическую утопию.

Интервью провел М.А. Никулин

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Астрель; 2013.
- Ильин И.А. Наши задачи: В 2 т. М.: Айрис-Пресс; 2008.
- Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ; 2015.
- Макиавелли Н. Государь. М.: Рипол Классик; 2016.
- Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Центрполиграф; 2016.
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: Ермак, АСТ; 2006.
- Niebuhr R. The Irony of American History. University of Chicago Press; 2008.

Дата поступления статьи: 04.02.2017

Для цитирования: Идеология и международные отношения: взгляд из России. Интервью с В.Г. Барановским, академиком РАН (ИМЭМО РАН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 383—390.

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-383-390

IDEOLOGY AND INTERNATIONAL RELATIONS: RUSSIAN VIEW

Interview with Academician, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of Center of the situational analysis at RAS V.G. BARANOVSKIY

Abstract. Vladimir G. Baranovskiy is one of the leading specialists in the field of international relations in Russia. He was born on December 30, 1950 in Moscow. In 1972 he graduated from the Moscow Institute of World Economy and International Relations of the USSR Ministry of Foreign Affairs. In 1973—1976 he studied at the graduate school of the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the USSR Academy of Sciences. Since 1976 he works in the structure of the IMEMO Academy of Sciences of the USSR. In 1982—1988 — Head of the International Security Sector of the IMEMO Academy of Sciences of the USSR. In 1986 he defended his doctoral thesis on “The European Community in the System of International Relations”. In 1988—1992 — Head of the Department of Western European Studies, IMEMO USSR Academy of Sciences (IMEMO RAS). In 1992—1998 he was the chief research fellow at IMEMO RAS. In 1992—1996 he led the project at the Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). Since 1998 — deputy director of IMEMO RAS. Since 2005 — Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of the Moscow State Institute of International Relations. Since 2011 — full member of the Russian Academy of Sciences.

In his interview, V. G. Baranovsky talks about ethics and morality in international relations, multipolarity and the role of ideology in foreign policy.

Key words: international relations, ideology, ethics, morality

REFERENCES

- Brzezinski, Z. (2013). *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. Moscow: Astrel.
- Ilyin, I. A. (2008). *Our tasks*. In 2 Vol. Moscow: Ajris-Press. (in Russ.).
- Fukuyama, F. (2005). *The End of History and the Last Man*. Moscow: Ermak, AST. (in Russ.).

- Kissinger, H. (2015). *World Order*. Moscow: AST. (in Russ.).
- Machiavelli, N. (2016). *The Prince*. Moscow: Ripol Klassik. (in Russ.).
- Niebuhr, R. (2008). *The Irony of American History*. University of Chicago Press.
- Primakov, Y. M. (2016). *A world without Russia? What does political myopia lead to*. Moscow: Centrpoligraf. (in Russ.).

Received: 05.04.2017

For citations: Ideology and International Relations: Russian View. Interview with Academician, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of Center of The Situational Analysis at RAS V.G. Baranovskiy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 383—390.